

КОНСТАНТИН РАЙКИН:

«Дни нашего театра сочтены»

*Новые Известия
2004-28 сент -
с 1, 5.*

КАТЕРИНА АНТОНОВА

Руководитель столичного театра «Сатирикон» репетирует первую премьеру нового сезона – спектакль «Страна любви».

По идее режиссера, постановка станет новым, взрослым прочтением старой сказки о Снегурочке. Чем привлеч сказочный сюжет и почему новый сезон для театра может оказаться последним, худрук «Сатирикона» Константин РАЙКИН рассказал в своем интервью «Новым Известиям».

– Константин Аркадьевич, сегодня много говорят о возможных реформах в области культуры. «Сатирикон» – один из самых успешных театров столицы. Отразятся на нем перемены?

– На данный момент дни нашей достаточно неплохой жизни сочтены в связи в реструктуризацией бюджетной сферы. Реформа, которая заключается в том, что мы будем отдавать все, что зарабатываем, государству, а оно будет перераспределять деньги и выдавать дотацию, начнется в 2005 году, и если что-то не придумать, театр «Сатирикон» просто может перестать существовать.

– Но ведь вы состоите в президентском совете по культуре, а значит, имеете прямой доступ к главе государства...

– Пока ничего не могу добиться. Встречаюсь с президентом время от времени, надоедаю

разговорами о гибельности этой реформы для театров, но пока ничего сделать нельзя. Спасение могло бы быть в одном – приватизировать театр, уйти из-под государства. Нельзя. Несмотря на заявление Михаила Швыдкого, что, пожалуйста, мол, приватизируйтесь, на деле это невозможно. По закону – буквальному, прямому закону – учреждения культуры не подлежат приватизации. А «Сатирикон» – учреждение культуры.

– Ближайшая премьера вашего театра – «Страна любви» по «Снегурочке» Островского. Чтобы выпустить ее в срок, вы сняли с занятий в Школе-студии ваших студентов. Вы не боитесь упреков коллег-педагогов в том, что слишком рано выпускаете ребят на большую сцену?

– Этот спектакль – премьера театра и одновременно дипломная работа моего курса в Школе-студии. Что случай редкий, даже беспрецедентный. Это самая трудоемкая дипломная работа из всех, которые я знаю. Обычно таких профессиональных нагрузок, как в этом спектакле, на студентов театральных курсов не взваливают. И ребятам действительно тяжело – надо петь, танцевать, играть в сложнейшей стихотворной пьесе, и все это – на зал в тысячу мест. Упреков я не боюсь. Мы эту работу делали поэтапно. На втором курсе показали 40 минут. Тогда кафедра приняла наш показ на «ура», что меня и обрадовало, конечно, но и обеспокоило. Показывать наметки – дело благодарное, но из набросков потом сделать спектакль значительно сложнее.

«Дни нашего театра сочтены»

Окончание. Начало на стр. 1

— Почему вы поменяли название пьесы для спектакля?

— Потому что все воспринимают слово «Снегурочка» как название детского утренника. А я ставил взрослый спектакль и назвал его «Страна любви», потому что он про страну, где — буквально — правит любовь. «Снегурочка» в своей основе — гениальная пьеса. Островский ведь всегда сам на себя не похож, он всегда полярен по отношению к самому себе. На нем можно построить репертуар целого театра. Он принимает любые, совершенно разные трактовки и не перестает быть собой. Он как Шекспир. Мне была интересна человечность «Снегурочки». Несмотря на населяющих пьесу богов, полубогов и детей богов, это история про то, как люди становятся людьми, — только пройдя через страшные потери в любви. Именно безответность чувства на каком-то этапе делает персонажей живыми, объемными, полноценными. Эта пьеса — утопия, роскошная в своем наиве, в своей детскости, но нам, живущим в XXI веке, страшно хочется в нее играть. Потому что все эмоции у нас забиты, ограничены, потому что мы облопотились на цивилизацию, а она нас замордовала, отняла возможность открыто выражать свои чувства — и положительные, и отрицательные. А в этой пьесе человек, если он ненавидит, то он в лицо так и говорит: «Я тебя ненавижу!». Это то, чего у нас уже нет. Очень много начал и концов уклада нашей современной городской жизни скрыто в этой пьесе. Мы начинаем играть спектакль на неодетой, некрасивой, обнаженной сцене, которая для меня — символ урбанистической жизни. Играем с тем, чего нет, а потом это начинает воплощаться. Я давно придумал, что можно очень романтическую пьесу начинать играть в интерьере, скажем, ремонта. А потом это пространство преобразовать, и тогда побелка становилась бы снегом. Из некрасивого, уродливого, агрессивного сделать живое, дышащее, гармоничное.

— Много лет отечественных пьес в репертуаре театра не было. Почему?

— Дело в том, что я воспитан на русской классике, и я боялся испортить свое впечатление от того, на чем я вырос, неудачной работой. Ставить что-нибудь западное было легче: это не так дорого, я не на этом был взращен. Я и за Островского взялся, потому что на нем не вырос, я его для себя по-настоящему открыл в очень взрослом возрасте, лет 5 назад. А на

Толстом, Достоевском, Гоголе я воспитался с юности.

— В начале октября, следом за Островским, выходит «Маскарад», где вы не играете Арбенина...

— А это и не предполагалось, потому что я параллельно делал Островского, и «Маскарад» был мне интересен как работа для моих актеров, не для себя. Там играют Денис Сухонов и Максим Аверин — Арбенина и Казарина — в очередь обе роли, и это очень интерес-

но. Ставит спектакль Владимир Агеев, очень талантливый режиссер. Далее мы будем делать «Косметику врага» с Романом Козаком, потом будет пьеса Куни. Я хотел бы сам что-нибудь сыграть в Островском, и тогда сложилась бы такая трилогия, но надо с кем-то сговориться, кто может на большой сцене поставить спектакль, а это мало кто может сейчас — все лучше чувствуют малую форму.

— Как вы относитесь к такому явлению,

Константин РАЙКИН родился 8 июля 1950 года в Ленинграде. В 1970 году закончил Театральное училище им. Б. В. Щукина. Работал в театре «Современник». В 1981 году перешел работать в Ленинградский театр миниатюр под руководством отца — Аркадия Райкина. В 1982 году театр переехал в Москву, где 5 лет спустя был переименован в «Сатирикон». В 1988 году Константин Райкин возглавил театр. В кино он дебютировал в 1972-м в картине «Командир счастливой «Щуки». Широкою известность принесли роли в фильмах «Много шума из ничего» (1971), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1972) и «Труффальдино из Бергамо» (1976). Константин Райкин — народный артист России, лауреат Государственной премии РФ.

ДИМИТРИЙ ХРУЛОВ

как молодая режиссура — Серебренников, Чусова, Невежина, Карбаускис, Роцин, — вы смотрите их спектакли?

— Мне интересно. Я смотрю все, что успеваю. Это не значит, что мне все нравится. Но с этим явлением — молодой режиссурой, новой драматургией — надо считаться. И все это надо знать. Потому что все равно в театральном искусстве существуют конкуренция и борьба за зрителя. И нельзя бежать по своей дорожке и не знать, что происходит на соседней. А потом раскланиваться перед не глядящей на тебя публикой. Даже при очень затупленном обонянии можно понять, что здесь — у этих молодых — пахнет талантом. Тем более что среди них уже есть мастера, умные, умелые люди — как можно с этим не считаться?

— Как в вас сочетаются актерские цели и задачи худрука?

— Я как актер могу послужить себе как худруку, могу поддержать, подхватить, помочь театру какой-нибудь своей актерской работой. Но на сегодняшний день актерство — мой второй интерес. Иначе я бы соглашался на иногда чрезвычайно интересные предложения играть где-то на стороне. Но почему я должен работать на кого-то, когда мне надо работать на мой театр? Как актеру мне нечего прибедняться — я себя не ограничиваю: играю, что хочу. Но что я хочу как артист, должно вписываться в мои интересы худрука.

— Ваша труппа вас устраивает?

— В принципе, да. Но это не значит, что я не буду ее корректировать и пополнять.

— Как вы решаете ситуацию, ставшую сегодня реальностью для многих театров: актер, ставший популярным, дает театру только несколько чисел, свободных от съемок, для спектаклей, в которых он занят, и театр вынужден подстраивать репертуар месяца под этого артиста?

— Нет, такая ситуация невозможна, недопустима в моем театре. Все наоборот: сначала числа спектаклей, потом все остальное. Иначе все разваливается. Театр — это же твой порт приписки, твой дом, место твоей работы. Ты можешь работать сколько угодно и где угодно, но только не вреди дому. Есть, конечно, недисциплинированные артисты, но я с ними расстаюсь. Театр — это же коллективное дело, и если не соблюдать правил, то все

рухнет. Поэтому надо уметь быть жестким, наказывать, принимать резкие решения, сильные ходы, связанные с риском. Если быть только добрым, мягким и милым, ничего не получится. Театр — это люди, а люди — очень разные, и среди них много тех, кто может предать, и надо быть к этому готовым. Я не к тому, что я такой разочарованный в людях, но нельзя думать о людях лучше, чем они того заслуживают. Тогда не будет так больно от их предательства. Люди же вообще лениваты, обычно очень консервативны, молодые особенно. Люди очень часто нелюбопытны и склонны к предательству. Это — в их природе. Пока с тобой комфортно — он лучший друг. Чуть более сложная ситуация вокруг тебя — предает. Хотя, конечно, бывает и иначе, и у меня в труппе есть несколько человек, которые — другие, чистые. И на курсе на моем тоже — чистые люди, потому что я с другими расстался безжалостно.

— Вы будете набирать следующий курс?

— Да. Не весь курс я заберу себе, как этот, нынешний, по поводу которого была договоренность с Олегом Павловичем Табаковым, что он не будет переманивать ребят к себе. Дальше уже так не будет...

— Но как-то все же будет? Вы в ваших планах на будущее исходите из того, что «Сатирикон» останется в репертуарной сетке московских театров?

— Честное слово, не знаю. Реформа для нас может закончиться тем, что театр закроется, потому что мы не сможем выпустить ни одного спектакля на те деньги, которые будет давать государство. Самая большая глупость заключается в том, что я попал в Президентский совет именно потому, что среди учреждений культуры «Сатирикон» является лидером по экономическим показателям. Наш театр своими доходами покрывает 80% своего бюджета. И только 20% нашего бюджета дает государство... И вот теперь, с 2005 года, только эти 20% мы и будем видеть. И что я выпущу на эти деньги? У меня спектакль на большой сцене по определению не может быть дешевле 100000 долларов. Я никогда не находился в такой ситуации — я буквально не знаю, что будет завтра. Как выжить? А ведь «Сатирикон» — это дело моей жизни.